

**SANAE TAKAICHI'S VISIT TO THE UNITED STATES
AND THE TRANSFORMATION OF THE JAPAN–U.S. ALLIANCE:
EXPECTATIONS, PRIORITIES, AND OUTCOMES**

U. Mahmudov

Doctor of politics

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: Japan, USA, Sanae Takaichi, Donald Trump, Indo-Pacific region, Taiwan Strait, Strait of Hormuz, strategic autonomy, alliance dilemma, economic security, critical minerals, Japan–US alliance, integrated deterrence.

Received: 16.05.26

Accepted: 17.05.26

Published: 18.05.26

Abstract: This article examines the official visit of Japanese Prime Minister Sanae Takaichi to the United States, held on March 18–21, 2026, and its significance for the further evolution of the Japan–US alliance. The aim of the study is to determine to what extent this visit reflected Japan’s shift from a predominantly reactive diplomacy toward a more proactive yet institutionally constrained model of regional leadership. The analysis is based on the institutional approach, alliance theory, the concept of strategic autonomy, the logic of the “alliance dilemma,” and issues of economic security. The study highlights three interrelated areas: the security of maritime communications amid the crisis around the Strait of Hormuz, the positions of both sides regarding the Taiwan Strait, and the expansion of military-technical, technological, and economic cooperation. The conclusion is that the visit not only confirmed the stability of the alliance with the United States but also signaled Tokyo’s intention to expand its agency within the alliance system without directly engaging in high-risk military scenarios.

**САНАЭ ТАКАИЧИНИНГ АҚШГА ТАШРИФИ ВА ЯПОНИЯ–АҚШ
ИТТИФОҚИНИНГ ТРАНСФОРМАЦИЯСИ: КУТИЛМАЛАР, УСТУВОР
ЙЎНАЛИШЛАР ВА НАТИЖАЛАР**

У. Маҳмудов

Сиёсий фанлар доктори

Тошкент, Ўзбекистон

МАҚОЛА ҲАҚИДА

Калит сўзлар: Япония, АҚШ, Санаэ Такаичи, Дональд Трамп, Хинд-Тинч океани минтақаси, Тайван бўғози, Ормуз бўғози, стратегик автономия, иттифоқчи дилеммаси, иқтисодий хавфсизлик, критик минераллар, Япония–АҚШ иттифоқи, интеграциялашган тийиб туриш.

Аннотация: Ушбу мақолада Япония бош вазири Санаэ Такаичининг 2026 йил 18–21 март кунлари Америка Қўшма Штатларига амалга оширган расмий ташрифи ва унинг Япония–АҚШ иттифоқининг кейинги эволюцияси учун аҳамияти кўриб чиқилади. Тадқиқотнинг мақсади ушбу ташриф Япония ташқи сиёсатининг асосан реактив дипломатиядан кўпроқ ташаббускор, бироқ институционал жиҳатдан чекланган минтақавий етакчилик моделига ўтишини қай даражада акс эттирганини аниқлашдан иборат. Таҳлил институционал ёндашув, иттифоқлар назарияси, стратегик автономия концепцияси, “иттифоқчи дилеммаси” мантики ҳамда иқтисодий хавфсизлик муаммоларига таянади. Ишда учта ўзаро боғлиқ йўналиш ажратиб кўрсатилган: Ормуз бўғози атрофидаги инқироз шароитида денгиз коммуникациялари хавфсизлиги, томонларнинг Тайван бўғози бўйича позицияси, шунингдек ҳарбий-техник, технологик ва иқтисодий ҳамкорликнинг кенгайиши. Хулоса шундан иборатки, ташриф нафақат АҚШ билан иттифоқнинг барқарорлигини тасдиқлади, балки Токионинг юқори хавфли сценарийларга бевосита ҳарбий аралашувсиз иттифоқ тизими ичида ўз субъектлигини кенгайтиришга интилишини ҳам кўрсатди.

**ВИЗИТ САНАЭ ТАКАИТИ В США И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯПОНО
АМЕРИКАНСКОГО АЛЬЯНСА: ОЖИДАНИЯ, ПРИОРИТЕТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ**

У. Махмудов

Доктор политических наук

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: Япония, США, Санаэ Такаичи, Дональд Трамп, Индо-Тихоокеанский регион, Тайваньский пролив, Ормузский пролив, стратегическая автономия, дилемма союзника, экономическая безопасность, критические минералы, японо-американский альянс,

Аннотация: В статье рассматривается официальный визит премьер-министра Японии Санаэ Такаичи в Соединённые Штаты Америки, состоявшийся 18–21 марта 2026 года, и его значение для дальнейшей эволюции японо-американского альянса. Цель исследования состоит в том, чтобы

интегрированное сдерживание.

определить, в какой мере данный визит отразил переход Японии от преимущественно реактивной дипломатии к более инициативной, но институционально ограниченной модели регионального лидерства. Анализ опирается на институциональный подход, теорию альянсов, концепцию стратегической автономии, логику «дилеммы союзника» и проблематику экономической безопасности. В работе выделены три взаимосвязанных направления: безопасность морских коммуникаций в условиях кризиса вокруг Ормузского пролива, позиция сторон по Тайваньскому проливу, а также расширение военно-технического, технологического и экономического сотрудничества. Сделан вывод, что визит не только подтвердил устойчивость союза с США, но и обозначил стремление Токио расширить собственную субъектность внутри союзнической системы, не переходя к прямому военному вовлечению в высокорисковые сценарии.

Официальный визит премьер-министра Японии Санаэ Такаити в США, прошедший 18–21 марта 2026 года, стал заметным эпизодом в адаптации японской внешней политики к новой конфигурации международной системы. Его значение не ограничивалось двусторонним протоколом: переговоры в Вашингтоне проходили на фоне обострения конкуренции США и Китая, неопределённости вокруг Тайваньского пролива, кризиса безопасности в районе Ормузского пролива и борьбы за контроль над ключевыми технологическими и сырьевыми цепочками.

Согласно данным Министерства иностранных дел Японии, визит премьер-министра Такаити в США проходил 18–21 марта 2026 года, а саммит с президентом США Дональдом Трампом состоялся 19 марта в Вашингтоне и продолжался около девяноста минут [1; 2]. Уже сама хронология встречи показывает, что она была включена в широкий политико-дипломатический контекст, где двусторонние отношения рассматривались вместе с региональными кризисами, энергетической безопасностью, технологическим соперничеством и архитектурой сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе.

Актуальность темы связана с тем, что современная Япония переосмысливает собственную роль в международных отношениях. С одной стороны, Токио сохраняет приверженность пацифистским конституционным ограничениям и избегает прямого участия в высокорисковых военных сценариях. С другой — рост военной активности

Китай, северокорейская ракетно-ядерная программа, нестабильность энергетических рынков и технологическая фрагментация мировой экономики заставляют японское руководство расширять инструменты внешней и оборонной политики.

Методологическую основу статьи составляют анализ официальных заявлений и дипломатических документов, сопоставление материалов японской и американской сторон, а также привлечение независимых аналитических и информационных источников. Такой подход позволяет отделить протокольный уровень саммита от его стратегического содержания и выявить, какие элементы визита были связаны с подтверждением союзнической солидарности, а какие — с попыткой Японии сохранить собственное пространство внешнеполитического манёвра.

Исследовательский вопрос статьи можно сформулировать следующим образом: каким образом визит С. Такаити в США изменил баланс между союзнической солидарностью Японии и её стремлением к стратегической субъектности? Основной тезис состоит в том, что саммит в Вашингтоне не означал радикального пересмотра японо-американского альянса, но зафиксировал его качественное расширение: от военно-политической координации к более комплексной модели, включающей экономическую безопасность, технологическую интеграцию и управление кризисными рисками.

Источниковая база исследования включает материалы Министерства иностранных дел Японии, официальные сообщения Белого дома, а также публикации международных информационных агентств и аналитических центров. Это важно, поскольку официальные документы фиксируют дипломатически согласованную картину саммита, тогда как независимые источники позволяют увидеть конфликтные ожидания, давление союзников и практические ограничения японской политики.

1. Теоретико-методологические рамки анализа

Политическое значение визита С. Такаити целесообразно рассматривать через несколько взаимодополняющих категорий. Первая из них — японо-американский альянс как институционализируемая система безопасности, которая обеспечивает Японии внешнее сдерживание и военную поддержку, но одновременно задаёт пределы самостоятельного внешнеполитического манёвра. Вторая — стратегическая автономия, понимаемая не как отказ от союза с США, а как способность сохранять собственные приоритеты при принятии решений под давлением партнёров и конкурентов. Третья — экономическая безопасность, выступающая продолжением классической военно-политической стратегии в сферах сырья, энергетики, технологий, данных и производственных цепочек.

В исследованиях альянсов важное место занимает проблема «дилеммы союзника». Г. Снайдер показывает, что союзное государство вынуждено постоянно балансировать между двумя рисками: быть втянутым в чужой конфликт или, напротив, быть оставленным союзником в критический момент [3]. Для Японии эта дилемма имеет не только теоретическое, но и практическое значение: чрезмерная дистанция от США может ослабить гарантии безопасности, тогда как автоматическое следование американской линии сужает пространство самостоятельной дипломатии.

Дополнительную объяснительную ценность даёт подход С. Уолта, рассматривающий альянсы как реакцию не только на силу, но и на восприятие угрозы [4]. В японском случае такая угроза складывается из нескольких факторов: военного давления Китая, ракетно-ядерной программы КНДР, нестабильности морских коммуникаций и уязвимости цепочек поставок. Для азиатского контекста важна и логика, описанная В. Ча: американская система союзов в регионе формировалась как механизм управляемой координации, при котором Вашингтон поддерживает союзников, но одновременно старается удерживать их от самостоятельной эскалации [5].

Существующие исследования японской внешней и оборонной политики показывают, что нынешняя трансформация не является одномоментной. М. Грин, К. Пайл, Р. Самуэлс и Ш. Смит связывают усиление японской субъектности с постепенным отходом от послевоенной пассивности и ростом потребности в самостоятельной защите национальных интересов [8; 11; 12; 13]. Работы Ю. Хосоя и К. Хьюза подчёркивают, что эта трансформация разворачивается в рамках правовых ограничений, общественных дискуссий и наследия «доктрины Абэ» [9; 10]. В более широком плане речь идёт о реакции Японии на фрагментацию международной системы, где прежняя однополярная структура уступает место более конкурентной среде [14].

Сочетание этих подходов позволяет избежать упрощённой трактовки визита как обычного подтверждения союзнической солидарности. Переговоры показали более сложную картину: Япония стремилась подтвердить приверженность союзу с США, но не допустить автоматического вовлечения в ближневосточный кризис; поддержать стабильность в Тайваньском проливе, но не перейти к чрезмерно конфронтационной риторике; углубить оборонное сотрудничество, но сохранить политический контроль над темпами милитаризации.

В данном контексте визит можно оценивать как проявление «осторожного лидерства» — модели, при которой государство наращивает международную активность, не выходя за рамки правовых, институциональных и общественно-политических

ограничений. Для Японии подобная модель особенно характерна, поскольку её внешнеполитическая стратегия формируется на пересечении послевоенного пацифизма, союзнических обязательств и растущей потребности в самостоятельной защите национальных интересов. Понятие «интегрированного сдерживания» в настоящей статье используется для обозначения комплексного сочетания военных, технологических, экономических и дипломатических инструментов, а не только классического наращивания вооружений.

2. Ожидания сторон накануне визита

Категория ожиданий позволяет точнее понять логику саммита. Японская сторона рассчитывала не только подтвердить устойчивость отношений с Вашингтоном, но и закрепить за собой роль одного из ключевых партнёров США в разработке Индо-Тихоокеанской стратегии. На фоне американо-китайского соперничества для Токио было важно не оказаться на периферии решений, которые могли бы приниматься Вашингтоном и Пекином без достаточного учёта интересов союзников.

Для США визит имел другой, но тесно связанный смысл. Вашингтон стремился показать, что союзная система в Азии сохраняет устойчивость, а Япония выступает не только получателем американских гарантий безопасности, но и активным участником регионального сдерживания. Поэтому американская сторона была заинтересована в расширении японского вклада в оборонную кооперацию, безопасность морских коммуникаций, энергетические проекты и технологические цепочки.

В японском политическом дискурсе ожидания от визита концентрировались вокруг трёх вопросов. Во-первых, Токио стремился избежать давления в пользу прямого участия в высокорисковых военных сценариях на Ближнем Востоке. Во-вторых, японское руководство ожидало более ясного подтверждения американских обязательств по Индо-Тихоокеанскому региону, включая Тайваньский пролив и Корейский полуостров. В-третьих, Япония была заинтересована в укреплении экономической составляющей альянса — прежде всего в сфере критических минералов, энергетики, искусственного интеллекта и высокопроизводительных вычислений. Накануне визита независимые сообщения также подчёркивали, что иранско-ормузская повестка способна сместить первоначальный фокус переговоров с Индо-Тихоокеанского региона на вопрос участия союзников США в защите морских перевозок [15].

Ожидания сторон, следовательно, не сводились к протокольному подтверждению дружбы. Для Токио саммит был способом усилить субъектность внутри альянса; для

Вашингтона — инструментом консолидации союзной сети и более равномерного распределения стратегической нагрузки между партнёрами.

3. Политический контекст визита и фактор личной дипломатии

Политические предпосылки визита для японской стороны выглядели относительно благоприятными. Санаэ Такаити воспринималась как политик консервативного направления и продолжатель части стратегической линии Синдзо Абэ, при котором японо-американское взаимодействие получило более выраженное военно-политическое измерение. Для Вашингтона встреча с японским премьер-министром была возможностью подтвердить устойчивость союзной системы США в Азии на фоне растущей международной турбулентности.

Отдельное значение имел фактор персонализированной дипломатии. В условиях, когда внешнеполитические решения всё чаще зависят не только от бюрократических процедур, но и от политического стиля лидеров, прямой канал коммуникации с президентом США приобретал для Токио практическую ценность. Доброжелательная атмосфера встречи была важна не только протоколно: она посылая сигнал японскому истеблишменту, региональным партнёрам и Китаю.

Одной из менее публичных задач визита было снижение риска американо-китайского сближения за счёт интересов союзников США. В японских экспертных кругах давно присутствует опасение, что Вашингтон и Пекин при определённых обстоятельствах могут перейти к формату двустороннего торга, где интересы Японии, Южной Кореи и других партнёров окажутся вторичными. В этом смысле визит Такаити был направлен на закрепление Японии не в роли младшего союзника, а в качестве одного из участников формирования американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе.

Официальная повестка саммита включала международную ситуацию, региональные вызовы, экономическую безопасность и двустороннее сотрудничество. В сообщении МИД Японии подчёркивалось, что стороны обсуждали ситуацию вокруг Ирана и Ормузского пролива, продвижение концепции Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, вопросы Китая и Северной Кореи, а также расширение сотрудничества в сфере экономики, безопасности и технологий [2]. Одновременно американская сторона представила встречу как часть курса на укрепление альянса, экономической безопасности и сдерживания в интересах Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона [6]. Это подчёркивает многоуровневый характер встречи, где дипломатический символизм сочетался с конкретными договорённостями.

4. Ормузский пролив и пределы стратегической автономии Японии

Одним из центральных сюжетов переговоров стала ситуация вокруг Ормузского пролива. Для Японии этот вопрос имеет не только региональное, но и системное значение. Энергетическая безопасность страны зависит от устойчивости морских коммуникаций, соединяющих Ближний Восток с Восточной Азией. Любые перебои в судоходстве в районе Персидского залива способны быстро превратиться в экономические риски для японской промышленности и потребителей.

Американская сторона была заинтересована в более активном участии союзников в обеспечении свободы судоходства. Для Токио, однако, прямое вовлечение Сил самообороны в потенциально конфликтную зону оставалось политически чувствительным и юридически ограниченным решением. Сообщения Reuters и AP указывали, что давление Вашингтона было связано с ожиданием более заметного вклада союзников в защиту судоходства через Ормузский пролив, тогда как японская сторона была вынуждена учитывать конституционные ограничения, общественные настроения и рамки законодательства о применении Сил самообороны за рубежом [15; 16].

Позиция Такаити заключалась в поддержке международных усилий по обеспечению безопасности морских коммуникаций без автоматического принятия на себя военных обязательств, выходящих за рамки национального законодательства. В официальном изложении японской стороны акцент был сделан на недопустимости действий, угрожающих свободе судоходства, необходимости деэскалации и поддержании стабильности международных поставок энергии [2]. По данным AP, после встречи Такаити также подробно разъяснила президенту США, какие действия Япония может и не может предпринимать в соответствии со своим законодательством [16]. Такой подход позволил Токио выразить союзническую солидарность и одновременно сохранить политико-правовую дистанцию от сценария прямого военного участия.

Дополнительным ограничителем выступали отношения Японии с Ираном. На протяжении десятилетий Токио стремился поддерживать с Тегераном относительно стабильные дипломатические и экономические контакты, рассматривая их как элемент собственной ближневосточной политики. Участие в жёстком антииранском формате могло бы повлечь репутационные потери, осложнить энергетическую дипломатию и сузить пространство для посреднических инициатив.

Кризис вокруг Ормузского пролива тем самым выявил не слабость японской внешней политики, а её структурную двойственность. Япония готова расширять вклад в безопасность морских коммуникаций и поддерживать США, но делает это в форме, совместимой с конституционными ограничениями, общественными ожиданиями и

собственными долгосрочными интересами на Ближнем Востоке. Именно здесь наиболее отчётливо проявилась дилемма союзника: чрезмерная уступчивость могла бы ослабить внутреннюю легитимность правительства, а чрезмерная дистанция от США — создать сомнения в надёжности японского вклада в союз.

5. Тайваньский вопрос как элемент новой региональной стратегии Японии

Тайваньский вопрос занимает особое место в японской стратегии безопасности. Географическая близость Тайваня к юго-западным островам Японии делает возможный кризис в Тайваньском проливе не отвлечённой международной проблемой, а прямым вызовом национальной безопасности. Нарушение стабильности в этом районе способно затронуть японские морские коммуникации, систему снабжения, размещение американских сил в регионе и безопасность островных территорий.

В последние годы Токио заметно чаще подчёркивает связь между стабильностью Тайваньского пролива и безопасностью Японии. При этом японская дипломатия сохраняет осторожность: она не пересматривает формально базовые подходы к отношениям с КНР, но усиливает политические сигналы о недопустимости одностороннего изменения статус-кво. Такая линия отражает попытку совместить сдерживание с управлением рисками.

По итогам саммита США и Япония подтвердили необходимость тесной координации по вопросам Индо-Тихоокеанского региона, включая Китай и другие региональные вызовы [2]. На практике это означает, что тайваньская проблематика всё чаще рассматривается не изолированно, а как часть более широкой архитектуры региональной безопасности, охватывающей морские коммуникации, военное присутствие США, технологические цепочки и взаимодействие с единомышленниками в регионе. Аналитики CSIS также подчёркивали, что для дальнейшего развития альянса ключевыми остаются стратегическое согласование приоритетов, укрепление потенциала сдерживания, оборонно-промышленная кооперация, кибербезопасность и сеть партнёрств с единомышленниками [17].

Для Пекина подобная позиция Токио воспринимается как попытка расширить роль Японии в вопросе, который КНР считает внутренним. Для Японии проблема состоит в том, что военный кризис вокруг Тайваня неизбежно затронул бы американские базы на японской территории и поставил бы вопрос о применении механизмов союзнической координации. Поэтому Токио стремится заранее обозначить политические рамки реагирования, не переходя к прямому признанию сценария военного участия.

Визит Такаити показал, что Япония постепенно отходит от прежней модели минимальной публичной вовлечённости в тайваньскую повестку. Это, однако, не означает перехода к авантюрной или конфронтационной политике. Скорее речь идёт о формировании более артикулированной стратегии сдерживания, в которой дипломатические заявления, оборонное планирование, экономическая безопасность и координация с союзниками образуют единый комплекс. В таком формате Тайваньский пролив становится не только региональной проблемой, но и тестом на устойчивость всей системы японо-американской координации.

6. Военно-техническое, технологическое и экономическое измерение сотрудничества

Важной частью переговоров стало расширение военно-технического сотрудничества. Официальные сообщения указывают, что стороны договорились продвигать совместную разработку и совместное производство ракетных систем, а также усиливать потенциал сдерживания и реагирования японо-американского альянса [2]. В американском изложении отдельно отмечалась возможная роль Японии в увеличении производства ракет AMRAAM и наращивании выпуска ракет-перехватчиков Standard Missile-3 Block IIА [6].

Эти договорённости значимы не только в военном, но и в промышленно-политическом отношении. Они отражают постепенный переход Японии от роли потребителя американских оборонных технологий к более активному участию в совместной оборонной индустриальной базе. В такой логике технологическая совместимость, обмен данными, кибербезопасность и производство компонентов становятся частью механизма сдерживания.

Вместе с тем японскому руководству необходимо сохранять баланс между укреплением обороноспособности и внутренней политической легитимностью. Рост оборонных расходов и расширение оборонно-промышленного сотрудничества остаются предметом дискуссии в японском обществе. Поэтому Такаити была заинтересована в том, чтобы представить оборонное сотрудничество не как милитаризацию, а как вынужденную адаптацию к изменившейся среде безопасности.

Экономическое измерение визита оказалось не менее значимым. Белый дом сообщил о новых инициативах по укреплению экономической безопасности, расширению энергетического сотрудничества, развитию цепочек поставок критических минералов, поддержке проектов в сфере малых модульных реакторов, искусственного интеллекта, высокопроизводительных вычислений и квантовых технологий [6]. МИД Японии также выделил сотрудничество в области критических минералов, передовых технологий и

устойчивости цепочек поставок [2]. В более широком контексте это согласуется с оценкой CSIS о том, что экономическая безопасность, оборонно-промышленная база и технологическая совместимость становятся самостоятельными направлениями углубления японо-американского альянса [17].

Эти направления показывают, что японо-американский альянс выходит за пределы классической военной координации. Экономическая безопасность становится самостоятельным элементом стратегического партнёрства. Речь идёт о снижении зависимости от уязвимых цепочек поставок, диверсификации источников критического сырья, технологической кооперации и защите инфраструктуры, без которой невозможно поддерживать долгосрочное военное и экономическое превосходство.

Особое значение имеет тема критических минералов и редкоземельных элементов. Ещё в 2025 году США и Япония оформили рамочный подход к обеспечению поставок критических минералов и редкоземельных элементов, предусматривающий координацию инвестиций, финансовых инструментов, мер поддержки производства и механизмов реагирования на риски в цепочках поставок [7]. Поэтому мартовский саммит 2026 года следует рассматривать не как отдельное событие, а как этап последовательного углубления геоэкономической составляющей альянса.

7. Итоги визита: между союзнической солидарностью и ограниченным лидерством

Для большей аналитической ясности итоги визита можно свести к четырём взаимосвязанным результатам. Первый — политическое подтверждение центральной роли США в японской системе безопасности. Второй — демонстрация того, что Япония готова поддерживать союзника, но не принимает автоматического военного вовлечения в кризисы, не соответствующие её правовым рамкам. Третий — усиление связи между Тайваньским проливом и национальной безопасностью Японии. Четвёртый — перенос центра тяжести альянса в сторону экономической безопасности, критических минералов, энергетики и передовых технологий.

Главный политический итог визита состоит в том, что Япония подтвердила приверженность союзу с США, но одновременно показала стремление сохранить собственную траекторию принятия решений. Это особенно заметно в ближневосточной повестке: Токио поддержал безопасность судоходства и стабильность энергетических поставок, но не взял на себя обязательств, которые могли бы противоречить конституционным ограничениям или осложнить отношения с государствами региона.

В тайваньском вопросе визит закрепил более активную, но всё ещё осторожную линию Японии. Токио готов публично связывать стабильность Тайваньского пролива с

региональной безопасностью, однако избегает формулировок, которые могли бы закрыть возможность дипломатического манёвра. Это показывает стремление Японии усиливать сдерживание без окончательного отказа от политики управления рисками.

В оборонно-технологической сфере саммит зафиксировал сдвиг к совместному производству, технологической интеграции и укреплению оборонно-промышленной кооперации. Такой курс повышает роль Японии в союзной системе США и делает её более заметным участником региональной архитектуры безопасности. Одновременно он усиливает зависимость Токио от стратегических решений Вашингтона, что сохраняет классическую дилемму союзника.

Экономические договорённости показали, что в условиях технологической конкуренции стратегическое значение имеют не только военные базы и вооружения, но и доступ к сырью, энергетике, вычислительным мощностям, промышленным платформам и защищённым цепочкам поставок. В этом отношении визит Такаити стал не просто дипломатическим событием, а маркером формирования новой модели японо-американского партнёрства, где геополитика и геоэкономика тесно переплетены.

Официальный визит Санаэ Такаити в США подтвердил, что японо-американский альянс остаётся центральным элементом архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако его содержание заметно меняется. Если ранее союз чаще рассматривался через призму военного присутствия США и гарантий безопасности для Японии, то теперь он всё больше включает экономическую безопасность, технологическую кооперацию, устойчивость цепочек поставок, критические минералы, киберпространство и энергетическую дипломатию.

Визит также показал, что Япония стремится к более активной внешнеполитической роли, но не готова отказаться от осторожности, сформированной послевоенной политической традицией. Токио укрепляет сдерживание, расширяет сотрудничество с союзниками и партнёрами, активнее обозначает позицию по Тайваньскому проливу, но одновременно избегает прямого вовлечения в конфликтные сценарии, способные нарушить внутренний политический баланс или сузить возможности дипломатии.

Следовательно, политическое значение визита заключается не только в подтверждении близости Токио и Вашингтона. Более существенно то, что он обозначил контуры новой японской стратегии: союз с США сохраняется как фундамент безопасности, но внутри этого союза Япония стремится к большей субъектности, активному участию в региональном сдерживании и защите собственных экономических и энергетических интересов. Эту линию можно определить как модель ограниченного

стратегического лидерства, сочетающую инициативность, прагматизм и институциональную осторожность. С практической точки зрения данная модель проявляется в четырёх результатах: подтверждении союзнической солидарности с США; отказе от автоматического военного вовлечения в ближневосточный кризис; более явной артикуляции позиции по Тайваньскому проливу; и превращении экономической безопасности в один из центральных элементов альянса.

Список использованной литературы:

1. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Prime Minister TAKAICHI's Visit to the U.S. (March 18–21, 2026). — Tokyo: MOFA Japan, 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/na/na1/us/pageit_000001_02806.html
2. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan-U.S. Summit Meeting and Dinner Reception. — Tokyo: MOFA Japan, 19 March 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/pageite_000001_00007.html
3. Snyder G.H. Alliance Politics. — Ithaca: Cornell University Press, 1997.
4. Walt S.M. The Origins of Alliances. — Ithaca: Cornell University Press, 1987.
5. Cha V.D. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia. — Princeton: Princeton University Press, 2016.
6. The White House. Fact Sheet: President Donald J. Trump Strengthens U.S.-Japan Alliance for the Benefit of All Americans. — Washington, D.C., 19 March 2026. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2026/03/fact-sheet-president-donald-j-trump-strengthens-u-s-japan-alliance-for-the-benefit-of-all-americans/>
7. The White House. United States–Japan Framework for Securing the Supply of Critical Minerals and Rare Earths through Mining and Processing. — Washington, D.C., 27 October 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/10/united-states-japan-framework-for-securing-the-supply-of-critical-minerals-and-rare-earth-through-mining-and-processing/>
8. Green M. Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power. — New York: Palgrave Macmillan, 2020.
9. Hosoya Yuichi. Security Politics in Japan: Legislation for a New Security Environment. — Tokyo: Japan Publishing Industry Foundation for Culture, 2019.
10. Hughes C. Japan's Foreign and Security Policy Under the Abe Doctrine. — London: Palgrave Macmillan, 2021.
11. Pyle K. Japan Rising: The Resurgence of Japanese Power and Purpose. — New York: PublicAffairs, 2020.

12. Samuels R.J. Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. — Ithaca: Cornell University Press, 2007.
13. Smith S.A. Japan Rearmed: The Politics of Military Power. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
14. Zakaria F. The Post-American World. — New York: W.W. Norton & Company, 2018.
15. Reuters. Japan's leader faces high-wire act in Washington over Trump's Iran demands. — 18 March 2026. URL: <https://www.reuters.com/world/china/japans-leader-faces-high-wire-act-washington-over-trumps-iran-demands-2026-03-18/>
16. Associated Press. Japan's Takaichi tries to reaffirm alliance with Trump as he seeks help securing Strait of Hormuz. — 19 March 2026. URL: <https://apnews.com/article/trump-takaichi-japan-iran-strait-of-hormuz-0006b848118381786baa837c403e5e13>
17. Govella K., Szechenyi N. Deepening Strategic Alignment: Priorities for the U.S.-Japan Alliance. — Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 3 April 2026. URL: <https://www.csis.org/analysis/deepening-strategic-alignment-priorities-us-japan-alliance>.